

Ник РИШЕЛЬЕ Дневники ПИРАМИДЫ

@ЭЛИТА

16+

Ник Ришелье

Дневники Пирамиды

*Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8583186
Дневники Пирамиды: Аэлита; Екатеринбург; 2013*

Аннотация

Электронное издательство «Аэлита» представляет новый роман «Дневники Пирамиды» нашего нового автора Ника Ришелье.

Земля. Россия. Наши дни. Мир постепенно погружается в пучину экономико-социального кризиса, будущее смутно. За кулисами истории действует древняя организация под названием Пирамида, объединяющая людей с таинственными сверхспособностями.

Эта организация готовит изменение порядка вещей, так называемый Всплеск, в основе которого находится сверхчеловек, выращенный и подготовленный Пирамидой. Ему предстоит понять мир, многому научиться, понять Пирамиду и встретиться с ее основателем.

Это история эволюции простого мальчика Ивана, избранного высшими силами на роль исповедателя. Он развивается и постепенно становится апологетом светлых сил – добра и знаний. И под конец превращается в значимую часть иерархии этих сил, если не сказать – в саму их сущность. Одновременно с тем он

видит и другую сторону медали, понимая, что активную позицию в истории невозможно занимать с чистой совестью.

Но его возможности и влияние на мир растут все быстрее, и, в конце концов, он понимает, что на Земле ему не место.

Это история о странных людях, разбитой любви, волшебстве и смысле жизни, история о жертве во искупление человеческого рода.

Вместе с тем это серия необычных приключений в обычных условиях.

Содержание

Предисловие издателя Дневников	6
Глава 1. Начало	15
Глава 2. Свитки	30
Глава 3. Основы	44
Глава 4. Две чаровницы	50
Глава 5. У истока	56
Глава 6. Она	63
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Ник Ришелье

Дневники Пирамиды

© ЭИ «@элита» 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Предисловие издателя Дневников

Дабы не вводить читателя в заблуждение странностью предлагаемого ниже текста, считаю необходимым дать некоторые комментарии по поводу его происхождения.

Итак, в 53 году, незадолго до известных трагических событий на станции Ио-2, я оказался на Марсе в качестве геолога и журналиста одновременно. Искушённый читатель космических очерков, конечно же, знает, что в отдалённых внеземных колониях каждый член экипажа должен обладать в совершенстве как минимум двумя профессиями. Ваш покорный слуга был тогда (и остаётся по сей день) специалистом по строению внутренних планет Солнечной системы, а также (по отзывам коллег) весьма неплохим поваром. Ну а поскольку заниматься сочинительством в нашем отряде никто не хотел, мне пришлось начать осваивать и эту профессию.

Освоение оной заключалось в следующем. Каждый день я аккуратно записывал все события, происходившие с нами на Марсе, и старался отдельно давать им свою эмоциональную и профессиональную (как геолог) оценку. Поэтому восстановить ход событий в те знаменательные для истории всего человечества дни не составит для меня особого труда.

11 ноября мы втроем (то есть я, Валентин Лавров, и два моих помощника: астрофизик и инженер Олег Хоркин, био-

лог и врач Пьер Лакруа) обследовали так называемые рудники в 100 км к северу от поселения. На местном жаргоне слово «рудник» означает вполне естественный провал (или промоину?) на марсианской поверхности с разветвлённой системой подземных туннелей. Нечто похожее можно наблюдать, например, в альпийских ледниках, где подобные системы ходов образует во льду вода.

Тогда ещё некоторые романтики в высшем эшелоне власти надеялись на встречу с добрыми инопланетянами, готовыми с радостью поделиться своими фантастическими технологиями с людьми. Так что финансирование исследований различных подозрительных с этой точки зрения объектов было весьма щедрым. Впрочем, рудниками интересовались и военные, и даже известный своими хронометрическими опытами физик Куравин.

Именно Куравин, спустя несколько лет после описываемых событий, присылал на рудники своего помощника, некоего Давида, с неопределённой целью «посмотреть и пощупать».

Иными словами, рудники интересовали всех, кроме специалистов вроде меня. И, как оказалось, интересовали не зря.

Продолжая лёгкую и бесцельную прогулку по Марсу, я со своими спутниками спустился уже в десятую шахту исследуемого рудника. Мы последовательно обошли и сфотографировали все ответвления, Пьер уже сидел на ящике с аппара-

ратурой и строчил десятый ничего не значащий отчёт, как вдруг раздался грохот, и Олег, стоявший неподалёку от меня, провалился вниз.

Я с перепугу повалился на землю и стал медленно подползать к краю образовавшегося провала. Заглянул вниз и посветил фонариком – тьма была непроглядная. Я позвал через шлемофон:

– Олег! Ты жив?

Тишина.

– Олег!!

Ко мне справа подполз Пьер с альпинистским снаряжением и начал методично прилаживать к поясу карабин. Я ему помог, и через некоторое время француз уже спускался вниз. Дальше я рассказываю с его слов.

Когда Пьер опустил метров на 5, его подсевший фонарик выхватил из глубины твёрдую поверхность. В неверном свете фонаря пол казался идеально ровным. Впрочем, вскоре выяснилось, что так оно и есть. На полу сидел невредимый Олег Хоркин и озирался по сторонам. В его взгляде было что-то безумное. Пьер спустился к нему и сел рядом. Их разговор, как и все разговоры на Марсе вне поселения, происходил по радио, поэтому я хорошо слышал обоих.

– Олег, – позвал Пьер, – что с тобой? Ты цел?

– Да, – после долгого молчания отозвался тот. – Ты лучше оглянись вокруг, Пьер!

Далее было слышно сопение, вздохи, и наконец, лёгкий

французский мат, после чего Пьер изрёк:

– Египет? Здесь? На Марсе?

А увидели они вот что. Огромный зал с идеально ровными стенами. В каждом из четырёх углов откуда-то из-под потолка лился неяркий красноватый свет, который выхватывал из темноты углы помещения. И даже при столь слабом освещении на стенах и потолке можно было различить силуэты, до боли знакомые нам из школьных учебников по древней истории. Это были изображения египетских фараонов, картуши с их именами и длинные аккуратные ряды загадочных символов, прочерченных прямо в шлифованной поверхности стен каким-то очень точным режущим инструментом.

– Вот это да! – сказал Олег. – Жаль, что среди нас нет египтологов... Кто бы мог подумать...

На следующий же день, конечно, всё поселение сбегалось посмотреть на великое открытие, а Земля дала указания оцепить зону рудника (от кого, непонятно) сигнальными маяками, ничего не трогать и ждать.

Мы выполнили всё по инструкции, но ждать, разумеется, не могли. Пьер с Олегом по праву первооткрывателей облазили загадочную пещеру вдоль и поперёк, но ничего интересного, помимо надписей на стенах и потолке, не нашли. Удалось установить, что свет в пещеру поступал не от какого-то загадочного вечного источника энергии (как думали некоторые мои коллеги из поселения), а шёл по специальным длинным и узким тоннелям идеального квадратного

сечения, вымазанным вдоль всей поверхности неизвестным светоотражающим составом. Выходы туннелей мы обнаружили в десятках метров от рудника.

Кроме того, расставленное вокруг рудника сейсмическое оборудование с ультразвуковыми сканерами помогло определить, что исследуемый рудник находится на развалинах гигантской пирамиды, уходящей своим основанием под пески Марса метров на пятьдесят, если не больше. Пирамиду тут же окрестили Красным Хеопсом, а найденную, как потом оказалось, верхнюю и самую маленькую камеру пирамиды назвали дачей мумии, намекая на её отдалённость от земной усыпальницы фараона.

Я спускался в камеру трижды. Первый раз – сразу после Пьера, когда мы только обнаружили её. И, будучи в полном замешательстве, я тогда ничего, кроме надписей на стенах, не видел. Второй раз – спустя несколько дней, когда в заветном помещении побывали все, кому не лень.

И именно во второй раз я обнаружил тайник, о котором так много писали в прессе 54-го года. Тайник был расположен точно посередине северной стены камеры на уровне глаз (камера и сама пирамида были, как и положено, ориентированы строго по сторонам света). Он представлял собой идеально ровную прямоугольную нишу в сечении 30 на 30 см и глубиной около 50 см, наглухо закрытую известняковым блоком.

Именно это меня, как геолога, и заинтересовало. Конеч-

но, после изображений фараона на Марсе меня уже ничто не могло удивить, но вот заинтересовать – зачем вдруг понадобилось кому-то тащить сюда известняк с Земли – могло. Я аккуратно вытащил блок из стены и обомлел. В нише лежали свитки папируса, усеянные письменами!

От волнения я тогда уничтожил один из свитков. Я взял его и попытался развернуть, но свиток, вздрогнув в моих руках, почти сразу же истлел, превратившись в прах. Похожее загадочное поведение свитков древнего папируса вы ещё встретите в публикуемом далее Дневнике.

Я испугался и задвинул известняковую заглушку ниши обратно. Однако уже через минуту, съедаемый любопытством, я огляделся вокруг – рядом никого не было – и снова проник в таинственную нишу. Но на этот раз в нише свитков не оказалось, вместо них лежала стопка бумаги. Да-да, именно бумаги! Практически невредимой и покрытой ровными рядами букв! И вот тут я был поражён окончательно – буквы оказались русскими, а документ, найденный мною, был тем самым Дневником, который я публикую сейчас впервые, и который был написан за 40 лет до того момента, когда Олег провалился в камеру Красного Хеопса. Документ был составлен на чистейшем русском языке, предусмотрительно нанесён на бумажный носитель и спрятан в потайной камере на Марсе!

Наученный горьким опытом, я извлёк бумагу из тайника, стараясь не прикасаться к ней руками, и убрал в герметич-

ный контейнер, предварительно вывалив из него все образцы пород, которые ещё час назад казались мне сенсационными. Впрочем, бумага-то была самая обыкновенная. Впоследствии я не раз брал её в руки, перечитывая втайне на Земле этот Дневник, и она оставалась невредимой. Из чего я сделал вывод, что автор письма адресовал текст людям.

Я снова закрыл нишу блоком, но вдруг вспомнил, что забыл в ней кисточку, с помощью которой аккуратно смахивал пыль с рукописи. Я вновь открыл нишу и... увидел те же таинственные свитки! Тут до меня дошло: ниша поочерёдно открывалась двумя разными тайниками! Я снова её закрыл, открыл, увидел кисточку, спрятал её в карман и объявил коллегам о найденной пустой нише.

Все с интересом осмотрели её, пожали плечами и разошлись. Никому в голову не пришло задвинуть нишу заглушкой и повторно её открыть! Весь следующий день я ходил под впечатлением от находки и думал о таинственных самосгорающих свитках. А в мозгу билась словно навязанная кем-то мысль: надо их спасти, надо их спасти...

И, наконец, вечером того же дня, когда в камере Красного Хеопса почти никого не осталось, я спустился в неё в третий и последний раз, подошёл к известняковой заглушке, лежавшей аккуратно на полу под отверстием ниши, и расколол её на мелкие кусочки геологическим молотком. А для обоснования своего поведения сгрёб в кучу и унёс с собой якобы собранные мною осколки неизвестной породы, которые, впро-

чем, тоже наделали немало шума на Земле при дальнейшем изучении Красного Хеопса.

О рукописи Дневника я молчал несколько лет, пока однажды ко мне не явился упомянутый мною Давид от имени академика Куравина. Прилетел он к нам под каким-то банальным научным предлогом, но, как выяснилось, прежде всего, по мою душу.

Расспрашивая меня о подробностях открытия Красного Хеопса (а в это время я уже пребывал в другом марсианском поселении в тысячах километрах от заветного места), Давид вдруг подмигнул мне и сказал:

– Это очень хорошо, дорогой друг, что Вы сообразили утаить кое-какие находки, сделанные Вами в камере Пирамиды.

Я проглотил язык и вытаращил глаза.

– Знаю-знаю, – успокоил меня Давид. – Вы очень удивлены, но поверьте, что кроме нас двоих об этом никто не знает, и в ближайшие тридцать лет узнать не должен. Договорились?

Я кивнул, по-прежнему не в силах вымолвить ни слова. Потом, конечно, Давид улетел, сцена эта изгладилась в моей памяти, но обещание тайно хранить рукопись тридцать лет я сдержал. Возможно, я вовсе не решился бы опубликовать Дневники, если бы три месяца назад мне не позвонил тот же Давид и не попросил это сделать «от имени – я цитирую – и по личной настоятельной просьбе автора».

Зачем им понадобилось раскрывать такую серьёзную тай-

ну – бог весть. Надеюсь, скоро это станет известно. Подозреваю только, что Правительство давно в курсе, иначе мне не дали бы и рта раскрыть. Возможно также, что Дневники являются элементом некого тщательно проработанного проекта влияния на сознание интеллектуальной элиты и не имеют ничего общего с реальностью. А может быть и так, что почти всё в них – правда, и опубликование их есть жертва малого во имя спасения чего-то большего. Этакий отвлекающий манёвр. В любом случае, истина, как всегда, остаётся для нас с вами, мой уважаемый читатель, тайной за семью печатями.

Текст, который Вы увидите далее, приведён мною практически без изменений. Лишь в некоторых местах я немного сгладил шероховатости стиля, чтобы Дневник выглядел единым произведением, а не сборником отрывков, написанных при различных обстоятельствах и в разных условиях. Кое-где я удалил излишние интимные или научно-технические подробности. Оригинал, поверьте, читать гораздо труднее, однако его точные копии Вы также можете найти в Большом Информатории.

Читайте, думайте и не судите строго.

Во имя Великой Пирамиды!

В. Лавров, Москва, май 89 года.

Глава 1. Начало

Всё началось ещё в детстве. Я тогда учился в школе, в классе, наверное, пятом. На дворе стояла весна 89-го года прошлого века. Раскрутившийся маховик Перестройки, как катализатор, ускорял развал экономики Советского Союза, о чём красноречиво говорили пустые прилавки продовольственных магазинов моего маленького провинциального города. Антиалкогольная компания под девизом «Трезвость – норма жизни» успешно зашла в тупик. Только что в феврале закончился вывод войск из Афганистана. По стране тянулись знаменитые «колбасные поезда» и нескончаемые очереди по любому поводу.

7 апреля затонула подлодка «Комсомолец». Помнится, меня, как зампреда пионерского отряда, вместе с моим товарищем отправили во Дворец Пионеров сделать маленький доклад о трагической гибели подлодки, но по какой-то причине доклад не состоялся. Должно быть, не смотря на прогрессирующую гласность в лице Андрея Дмитриевича Сахарова, руководство страны тому решило замять.

Впрочем, не всё было так мрачно. Только что вышел великолепный фильм «Собачье сердце». Появилось ленинградское телевидение с невзоровскими «600 секунд». Осенью разрушат берлинскую стену. Появятся «варёные» джинсы. Примерно в то же время я начал активно осваивать бра-

тьев Стругацких и Станислава Лема. Слава богу, с книгами в СССР проблем не было, и, как всякий прилежный советский школьник и пионер, я ходил в библиотеку и регулярно брал внеклассное чтение. Я был не в том возрасте, чтобы читать самиздат, но и время уже было другим: хорошая литература стала доступнее.

Впрочем, что это я? Ностальгия? Нет, вряд ли. Разве что ностальгия по детству. Ведь из всего перечисленного с тех времён я помню лишь «Комсомолец», «600 секунд» да «Магелланово облако» Лема. Всё остальное я узнал и понял позже, когда подрос. Даже колбаса откуда-то дома периодически возникала – варёная. А ещё у меня тогда впервые появились компактные аудиокассеты: одна с альбомом Александра Розенбаума, другая – с «Оловянной душой» Владимира Асмолова. До этого у нас был только катушечный магнитофон 60-лохматого года и записи Высоцкого. Понятное дело, что ни о каких torrent-раздачах, mp3-плеерах, интернет-провайдерах, айпадах и айфонах речи и быть не могло. Хотя, если вновь обратиться к истории, то можно заметить, что уже с 90-го года в Москву пришла сеть Фидо, и в нашей стране начал формироваться неведомый доселе класс неформалов – фидошники. Но в маленьком провинциальном городе слово «компьютер» могли произнести разве что заезжие гости из Мурманска, где в это время в Кольском филиале Академии наук СССР только-только стали появляться персональные компьютеры типа IBM PC. А у меня был лишь крутой

программируемый калькулятор МК-61.

Но речь не об этом. Тогда, неожиданно солнечным апрельским днём 1989 года, на уроке истории мы почему-то повторяли Древний Египет. В который раз я видел на картинке в учебнике древние гигантские пирамиды и равнодушно оценивал полчища рабов, волокущих огромные базальтовые глыбы к вершине великого детища фараона Хуфу, известного также под именем Хеопс. Тогда я и представить себе не мог, как тесно окажется связанной с пирамидами моя жизнь. И вдруг, сам того не желая, я объявил:

– Чушь это всё!

И покраснел, как рак. Потому что сказано это было громко, и весь класс тут же уставился на меня в изумлении. Даже Женька с Петькой, наши отпетые хулиганы, перестали играть в морской бой.

– Ваня, – строго сказала Зоя Фёдоровна, взвешивая в руках пластмассовую указку метровой длины, – повтори, что ты сказал.

Я, как положено, встал, подняв откидную крышку старинной парты. Такие парты, наверное, в фильме «Доживём до понедельника» снимали. Не наши, конечно, а точно такие же московские.

Мне нужно было промолчать, или, на худой конец, тупо глядя в парту, пробурчать «ничего, простите». И уже завтра все бы забыли об этом. Как-никак, я был на хорошем счету, и мне можно было простить неосмотрительную выходку. Но

меня что-то неумолимо заставляло ворочать языком.

– Я не верю, – сказал я медленно, – что эти люди смогли построить такую пирамиду.

От этого моего высказывания, ключевым смыслом которого было «я не верю», даже болтливые девчонки – Верка и Машка – перестали шептаться. Я в смущении рассматривал стены и потолок, стараясь ни с кем не встречаться взглядом, смотрел на портреты известных учёных и чувствовал себя таким Волькой ибн Алёша из лагинского «Старика Хоттабыча» на экзамене по географии.

Но тут прозвенел спасительный звонок, и весь класс, моментально забыв обо мне, ринулся в столовую. Лишь одного меня, как Штирлица, попросили остаться. Разумеется, я остался, ибо неповиновение учителю в те времена и в том возрасте было просто немислимым.

– Почему же ты не веришь, Ваня, – мягко спросила Зоя Фёдоровна, – ведь это давно доказано учёными-археологами. Я ведь вам уже рассказывала о раскопках, ты помнишь?

Я помнил. Но что-то не складывалось у меня в голове.

– Зоя Фёдоровна, – начал я, – но ведь эта насыпь, по которой они тянут камень наверх пирамиды, больше самой пирамиды в несколько раз, и должна быть такой же прочной. Из чего же они её делали и куда она потом пропала?

Учительница замаялась. Должно быть, такой вопрос ей задали впервые. Более того, ей самой он в голову никогда не приходил, даже когда она не прогуливала лекции по истории

Древнего Египта в университете. Поэтому она использовала стандартный учительский приём – сделала из меня дурака.

– Иван, – сказала она и постучала ручкой по классному журналу, – как тебе не стыдно? Чтоб я больше от тебя таких глупостей не слышала, иначе придётся отвести тебя к завучу.

Я уже не просто покраснел, я весь взмок от выступившего пота и накатившего страха, который застрял у меня в горле твёрдым комком и не давал вымолвить ни слова. С тех пор я недолюбливаю историков.

Этот инцидент на уроке очень скоро начисто стёрся бы из памяти как моих одноклассников, так и Зои Фёдоровны, да, наверное, и из моей тоже, если бы не мой приятель Арсений из нашего класса, по совместительству являвшийся сыном школьной директрисы.

Как странно и как точно порой выстраивается череда событий, словно кто-то ими специально дирижирует. Почему-то моё нечаянное выступление на уроке истории пришлось ровно за неделю до дня рождения Арсения, который по этому случаю пригласил меня в гости. И почему-то именно в этот раз моя милая добрая мама вручила мне красочную книжку о великих пирамидах со словами:

– Ваня, вот, держи, подаришь Арсению. Он вроде любит такие вещи.

– Хорошо, – сказал я и взял книгу. И в то же мгновение в моей голове пронёсся стремительный вихрь едва уловимых загадочных мыслей, словно я заметил, но не успел поймать

за хвост некую тайну. Тайну, которая неизвестна ни моим родителям, ни друзьям, ни учителям. Какое-то древнее сокровенное знание проскользнуло в моём детском сознании, вспыхнуло едва различимым светом и исчезло в толще времени.

Весь вечер и ещё половину ночи я просидел за этой книжкой, пока не прочёл её от корки до корки. Мама трижды заглядывала в мою комнату и укоризненно приговаривала:

– Ваня, ну, сколько можно! Выключай свет и ложись спать!

Я лишь торопливо отвечал «сейчас-сейчас», откусывал припасённый тайком бутерброд и читал дальше. Конечно, мама знала об этом бутерброде, но ей нравилось моё увлечённое чтение, и потому она совсем ненастойчиво заставляла меня заснуть. Да и книжка была тоненькой, хватило на несколько часов.

Но... к моему великому сожалению, никакой тайны я в ней не нашёл, никаких открытий для себя не сделал. Впрочем, я стал куда лучше разбираться в египтологии, и даже как-то схлопотал «пятёрку» по истории, рассказывая о древних жителях страны Та-кем, что для меня было великим достижением. А книжка осталась просто книжкой, и я без сожаления подарил её Арсению.

Первое знаковое событие в моей судьбе, связанное с пирамидами, произошло, пожалуй, именно на его дне рождения, хотя в тот момент я этого не мог осознать.

Мы сидели у него дома в субботу днём, часа в три пополудни, болтали о каких-то мальчишеских глупостях, ели салаты и пили лимонад «Буратино» или «Тархун», которых теперь днём с огнём не сыщешь. Мы – это я, Арсений и двое наших одноклассников: Олег и Илья. Нам было всего по двенадцать лет, и в то время мы не то что о девушках, даже о пиве не помышляли. Не говоря уж о всякого рода травках, ночных дискотеках и прочих сомнительных прелестях западной буржуйской и современной нашей жизни. Болтать о девчонках – болтали, но лишь как о другом, параллельном мире. А вот музыку послушать, в картишки в «дурачка» перекинуться, не на деньги, конечно, а за интерес, в «биржу» поиграть – это мы любили. Впрочем, «биржа», вроде, появилась позднее.

Но на этот раз, в связи с моим подарком, разговор зашёл о великих пирамидах Египта. Не зная ещё физики, но мечтая блеснуть друг перед другом зачатками научных знаний, мы рассуждали о геометрических формах, о многотонных базальтовых блоках, из которых состоят три великие пирамиды Гизы, о мумиях и погребённых вместе с ними сокровищах. И я как-то с жаром опять принялся доказывать, что не могли эти бедные рабы, не имея современной техники, выточить из скалы, отполировать и уложить стык в стык гигантские многотонные булыжники.

– Кстати, а что тебе сказала Зоя в тот раз? – поинтересовался Олег, называя учительницу истории просто по имени,

как часто бывает в среде школьников.

– Когда? – я сделал вид, что не понял, так как мне не хотелось вспоминать стыдный для меня момент.

Тут уже они втроём в один голос напомнили:

– В прошлую пятницу! Когда ты ей сказал «не верю»!
Только не говори, что забыл.

Они засмеялись, а я вновь покраснел, но быстро взял себя в руки.

– Да ничего особенного не сказала, завучем пригрозила.

– О чём это вы, мальчики? – спросила мама Арсения, наша директриса.

Мы и не заметили, как Виктория Альбертовна вошла в гостиную, где расположилась наша четвёрка, с горячим чайником в руке. Она присела к столу и принялась разливать нам чай, вопросительно поглядывая то на меня, то на сына. Илья, как самый непосредственный из нас, пересказал ей всю историю с моим выступлением на уроке, а я дополнил:

– Она сказала, что я говорю глупости и обещала в следующий раз отвести меня к завучу.

– Вот как? – удивлённо вскинула брови директриса, одновременно предлагая мне попробовать варенья. Я был весьма упитанным по тем временам подростком, и все мне предлагали конфеты и варенье, будто бы я мог похудеть от них. – И что же? Она так и не объяснила ничего?

– Нет, – пожал плечами я.

– А почему, как ты думаешь? – вновь спросила она, пода-

вая каждому из нас чашечки с чаем. Чашечки были красивые, из одного сервиза, что в те времена особенно ценилось, хотя нам, честно говоря, было всё равно. Нам была важна не форма, а содержание. И даже в двенадцать лет мы отличали вкус индийского чая «со слонем» от дешёвого грузинского со всплывающими в чашке палочками.

Я замялся, соображая.

– Может, она сама не знает? – робко ответил я вопросом на вопрос.

– Вот-вот, – буркнул Олег, – а нас понукает вечно.

– Ну что вы, ребята, Зоя Фёдоровна прекрасно знает историю, и ей вы можете полностью доверять, – ответила Виктория Альбертовна. – Но если вы захотите узнать больше, чем она, или даже попытаться самим отыскать скрытые знания о древних народах, приходите как-нибудь к нам домой, и я вас познакомлю с одним замечательным учёным. Он археолог и много раз бывал в экспедициях в Египте, Мексике и других странах, и сам видел эти пирамиды. Хотите?

Мы неуверенно закивали, не очень-то понимая, как реагировать на такое щедрое предложение директора школы.

– Только нужно заранее договориться, – уточнила она. – Если надумаете, передайте мне через Арсения.

– Угу, – ответили мы, и с радостью уставились в телевизор, где как раз началась вторая часть мультфильма «Остров сокровищ». Это Арсений, который, как и всякий подросток, несколько стеснялся присутствия матери в компании друзей,

включил новый цветной «Рубин» с кнопками на передней панели для включения восьми различных телепрограмм. По тем временам, да в нашем городе, это была Вещь!

Вообще, надо сказать, Виктория Альбертовна с Арсением не бедствовали, несмотря на то, что отец его уже давно то ли пропал, то ли погиб. Сам Арсений говорил, что его папка служил в Афгане. Но почему-то я никогда не видел у него дома мужского портрета в военной форме. Фотографии в альбомах мы друг у друга не смотрели и даже не заикались об этом – девчачьи глупости, считали мы. А вот полное отсутствие портретов воина на стенах квартиры, столь характерное для русского внеполитического быта, настораживало меня даже в таком юном возрасте.

Виктория Альбертовна прекрасно поняла сына и сразу же покинула нас. Когда она выходила из комнаты, я посмотрел ей вслед. Симпатичная молодая женщина, перспективная работа, сынишка умница, а вот в личной жизни что-то не сложилось, не заладилось. Должно быть, не бывает всё сразу – Друг, Любовь и Работа, а? Стоп. Откуда это во мне? Я проглотил вихрь мыслей, непонятно как родившихся в моей голове. Я, конечно, и в двенадцать лет много чего понимал, потому что не так часто проводил время со сверстниками, а больше держался взрослых – родителей, бабушек с дедушками, их знакомых. Но эта отчеканенная, точно выстроенная фраза, как у братьев Стругацких, была совсем не моей. Я со страху даже запомнил её и, наверное, навсегда.

И всё-таки уже в том светлом возрасте, когда все проблемы сводились, как правило, только к невыученному по литературе стихотворению, а мир людей казался простым, понятным, и больше добрым, чем злым, и мы думали, что он таким будет вечно, уже тогда я и мои друзья одноклассники понимали, что наша Виктория одерживала победы не только над учениками. Всего лишь год назад она была обыкновенной училкой русского языка и литературы, командовала своим не самым образцовым классом, а все школьники боялись не её, а завуча Лидию Сергеевну. Эта железная леди преклонного возраста умела навести страх на кого угодно, даже на директора, Олега Павловича, нашего учителя физики.

Но прошёл год, Лидия Сергеевна осталась завучем, физик, как был скромным и незаметным, так же незаметно и исчез. Некоторые учителя говорили, что он уехал в Штаты. Чушь! Мы-то знали, что никуда он не уехал, потому как несколько раз Олег с Ильёй видели его идущим под руку с какой-то молодой девушкой. Вроде бы она была выпускницей нашей школы в прошлом году. А из директоров его выжила «миссис Тэтчер», мечтавшая стать директором сама. Но... не получилось. Директором стала наша Виктория, а Лидия с тех пор заметно присмирела и как-то даже сдала, скрючилась, постарела.

Но дело даже не в этом. С появлением новой директрисы жизнь в школе стала интересней. Кажется, она нашла неких

таинственных спонсоров, на деньги которых был полностью обновлён спортзал, стены в коридорах заново покрашены и расписаны изящными цветными картинками с сюжетами из жизни добродушно улыбающихся пчёл, Вини-пуха или какого-нибудь Чебурашки. А годами двумя или тремя позднее появилась охрана, и часть вестибюля была отдана под торговые палатки. Впрочем, затею с торговлей на территории школы быстро определили как мешающую детскому воспитанию, и через полгода палатки убрали, а вместе с ними исчезла возможность полакомиться ирисками «Золотой ключик» на перемене для тех, кому родители давали карманные деньги.

Впрочем, палатки и сами бы не выжили: карманных денег в советской стране, да ещё в провинции, было тогда мало. Обладателей таковых у нас принято было называть буржуями или их сынками. Порой их даже хотелось вздуть как следует, чтоб не маячили перед глазами, не травили голодную пролетарскую душу. Одним словом, идея пришлась не ко времени – рановато оказалось внедрять в заскорузлые умы школьных учителей рыночные законы. Это потом, уже после знаменитого 93-го года, торговля повсюду, где надо и где не надо, расцвела, как плесень на куске залежалого «российского» сыра. Но к тому времени наша Виктория Альбертовна уже взобралась на новую ступеньку карьерной лестницы – в ГОРОНО, – а наша школа вновь обрела железного завуча в лице той же нестигаемой Лидии Сергеевны, перед которой

дрожали все, включая и новую директрису, назначенную откуда-то из другой школы. Впрочем, я к тому времени имел уже совершенно иной взгляд на вещи.

А 9-го мая 89-го года мы с отцом смотрели по телевизору парад в Москве, восхищаясь нашей боевой мощью, невзирая на полное экономическое бессилие гигантской советской империи. И вдруг в одиннадцать утра зазвонил телефон. Номер нам дали недавно, и потому, наверное, телефонный аппарат болгарской сборки занимал у нас почётное место. Он стоял в прихожей у входа в большую комнату нашей двушки-распашонки на специальной лакированной телефонной полочке с чёрными металлическими завитушками в качестве опорных уголков, прибитой на уровне груди. Я подскокил к аппарату и, с достоинством сняв трубку, сказал «Да!»

– Алло, – звонко сказал женский голос на том конце провода.

Это звонила сама Виктория Альбертовна! Я оторопел, судорожно перебирая в голове события последних дней. Что я мог такого натворить, чтобы звонила сама директриса?! Ну, пару дней назад мы с мальчишками, как обычно, прыгали по крышам частных гаражей, ряд которых громоздился вдоль разбитой дороги как раз под окнами моего дома. А оттуда, само собой, по деревьям перелезали на крышу соседнего моторного парка. Крыша была длинная и ровная, по ней было здорово бегать. Неужели кто-то из этих чумазых грубых, но добрых, мужиков «настучал» на нас? Но при чём тут шко-

ла? У меня сначала возникла глупая мысль бросить трубку, но я сдержался. Любопытство взяло верх, и я выдавил еле слышно:

– Здравствуйте.

Имени называть вслух не хотелось – как раз подошла мама с кухни и внимательно наблюдала за мной.

– Здравствуй, Ваня, – сказала директриса вполне дружеским голосом. – Ты помнишь наш разговор о пирамидах на дне рождения Арсеньки?

Я кивнул, потом спохватился и сказал:

– Помню.

– Отлично! – весело сказала она, и продолжила. – Вань, если хочешь, приходи сегодня к нам. Приехал тот самый учёный, археолог. Я говорила вам тогда. Он привёз кучу интересных снимков, и даже кое-какие вещи, артефакты.

Слово «артефакт» привлекает одним своим звучанием, а уж подростка, влюблённого в фантастику и не избалованного сегодняшним изобилием фильмов про «чужих», «иных» и прочих марсиан, оно притягивает, как магнит. И я загорелся.

– Да, – сказал я, – хочу, только мне нужно отпроситься.

Я посмотрел на маму, не отрываясь от телефонной трубки.

– А ты дай трубочку маме, Ваня, – попросила Виктория Альбертовна. Я удивился: откуда она узнала? Догадалась? Умная тётка. Или она пользуется этими, как их... артефактами? Чудесными древними вещицами, оставленными

нам специально или обронёнными по неосторожности какими-нибудь таинственными пришельцами, Странниками?

Я протянул трубку маме.

Они поговорили всего минуту, может, меньше, и мама отпустила меня с лёгкостью. Только попросила вернуться к трём часам дня домой. Потому что 9-го мая мы, по традиции, ходили в гости к своим ветеранам – бабушке с дедушкой по линии мамы. Они, как и мой одноклассник Арсений, жили недалеко от нас, поэтому я имел все шансы успеть посмотреть на артефакты днём и вкусно поужинать вечером в гостях у деда. Одним словом, день складывался как нельзя лучше.

Я натянул курточку и ботинки и заглянул в комнату, где отец наблюдал за маршем подтянутых солдат на экране телевизора. В это время как раз показали знамя карельского фронта.

– Убегаешь? – спросил он.

Я кивнул.

– Куда?

– К Сеньке в гости, – сказал я часть правды.

– Мама отпустила? – спросил он.

Я опять кивнул.

– Хорошо. Только недолго, Вань.

И я помчался через три квартала навстречу неизвестности.

Глава 2. Свитки

Забегая в подъезд, на дверях которого не было никакого кодового замка, и уж тем более не было внутри никакой консержки, о которых даже сейчас в моём городке мало кто слышал, я вдруг почувствовал лёгкий, но очень необычный укол. И не укол даже – прикосновение, толчок под сердце. Словно аорта моя на миллисекунду задумалась, пропускать ли кровь. Никогда со мной такого не было, и я остановился на площадке первого этажа, оглядываясь по сторонам. На лестничной клетке никого не было. На площадке между этажами, как обычно, валялась пара окурков да кусочек отвалившейся штукатурки, окрашенный с одной стороны в зелёный цвет – цвет всех стен всех советских общественных заведений. Ни бутылок из-под пива, ни пустых шприцов из-под наркоты, ни использованных презервативов, ни даже банальной мятой пачки из-под сигарет, столь, увы, привычных теперь, в эпоху нефтегазовой демократии, в те времена в подъезде просто быть не могло. Потому что их ещё не было в головах, в массовом, так сказать, сознании. Как там варивал досточтимый Филипп Филиппович? «Разруха не в клозетах, а в головах!» Эх, профессор Преображенский! Видели бы Вы свою Родину в 90-х годах двадцатого столетия! Впрочем, что я говорю. Никому такого не пожелаешь, даже американцам.

Я ещё раз прислушался. Может, кто-то стоит чуть выше, затаился и ждёт? Нет, тишина. Я медленно пошёл вверх по лестнице. Сенька жил на четвёртом этаже пятиэтажки. Обычной брежневской пятиэтажки, вроде тех, что сейчас сносят по всей Москве. Я прошёл до последнего этажа, не поленился, но нигде никого не обнаружил. Никаких закутков на лестничных клетках таких домов, где невозможно было развернуть вносимый в квартиру диван, просто не предполагалось изначально. Значит, если и был кто-то, он скрылся в квартире. Странно.

Я позвонил в дверь. И ещё не успел отнять от кнопки звонка палец, как дверь открылась, и на пороге очутилась Виктория Альбертовна.

– Привет, Ваня, – таинственно тихо сказала она, – проходи-проходи, тебя уже ждут.

– Здравствуйте, – сказал я в тон ей тихо, и нерешительно застрял на пороге, переминаясь с ноги на ногу.

– Ну, проходи же, – уже громко повторила она, удаляясь в сторону кухни, – тапки там найди какие-нибудь, и проходи в комнату.

Я прикрыл дверь, щёлкнул замок. И вдруг я почувствовал себя защищённым. Словно это была не деревянная дверь простого советского человека, которому нечего бояться, потому что у него нечего взять, а двойная стальная бронебойная дверца с замком, как на банковском сейфе. Я улыбнулся, нашёл какие-то не совсем обычные по тем временам ту-

рецькие тапки-лодочки с носком, торчащим вверх, и вошёл в комнату.

На диване не сидел, а восседал человек. Одетый в чёрный гладкий костюм, который сидел на нём так, словно они родились вместе, высокий черноволосый с пробивающейся седinouй, очень аккуратно выбритый джентльмен (а иного слова я просто не смог бы подобрать после прочтения Конан-Дойля) листал какой-то пёстрый журнал и курил трубку. В комнате стоял непривычный для меня сладковатый и чуть едкий запах дорогого табака.

– А где... Арсений, – запинаясь, спросил я, забыв поздороваться.

– О, привет, ты – Иван? – просто спросил незнакомец и отложил журнал в сторону.

Я кивнул. Он легко поднялся с дивана и протянул мне руку.

– А меня зови Юрием Даниловичем.

Я протянул в ответ руку, и он пожал её. Прикосновение его сухой ладони показалось мне очень знакомым. Я задумался на секунду и вспомнил. Точно так всегда пожимает мне руку дед. Тот самый, к которому я сегодня иду в гости. Странно, опять странно, подумал я. Но если там, в подъезде, мне было страшно, то сейчас я, наоборот, почувствовал, как рука Юрия Даниловича прямо-таки излучает силу, которая может меня защитить. Неистощимую великую силу.

Он ещё раз мне улыбнулся и сказал, усаживаясь на место:

– А Арсения дома нет, он сейчас у бабушки. Но ты ведь и не к нему пришёл, так?

Я кивнул. Меня смущал едва уловимый акцент в его голосе. С одной стороны он вроде бы иногда «окал», а с другой – старался протягивать гласную «а» и проглатывать окончания слов, как делают москвичи. Тогда я, конечно, этого не знал, как знаю теперь, и потому не мог догадаться, что он специально переучивал себя говорить на московский манер. В его возрасте, должно быть, это давалось нелегко, и потому он время от времени сбивался на свой родной поволжский акцент.

– Присаживайся рядом, Иван, – Юрий Данилович указал на диван и вытащил из-под журнального столика коричневый бумажный пакет с белыми матерчатыми ручками, точь-в-точь такой, в каких обычно продавали картошку, ведь в те времена полиэтиленовые пакеты были роскошью (хотя вряд ли такое положение вещей можно назвать плохим).

Я сел. Тут в комнату вошла Виктория Альбертовна с чашками чая на подносе и поставила их на столик.

– А вот и моя ученица, – кивнул Юрий Данилович в сторону директрисы, между тем вытаскивая из пакета какие-то таинственные свёртки, источавшие слабый сладковатый запах. – Как ты думаешь, Ваня, что это?

Я посмотрел сначала на Викторию Альбертовну, так неожиданно представшую в образе ученицы, потом на её учителя, затем сказал с вопросительной интонацией в голо-

се:

– Артефакты?

Тут уже Юрий Данилович удивлённо поднял брови и мельком взглянул на Викторию Альбертовну. Она едва слышно хихикнула.

– Это я ему сказала. Но он способный мальчик, правда?

– Правда, – помолчав, сказал Юрий Данилович и посмотрел на меня внимательно. Под его взглядом я поёжился.

Он развернул первый свёрток, в котором оказалась маленькая каменная чёрная статуэтка обнажённой женщины. Он повертел её в руках и поставил на стол рядом с чашками. Я смотрел на статуэтку и не мог оторвать взгляда. Выточенная из чёрного мрамора с редкими светлыми прожилками, высотой всего с ладонь, она была как живая – настолько точно неведомый художник прочертил в камне все детали женского тела. Только точёная красивая грудь не вздымалась от дыхания, да воздух не шевелил волосы. Мне очень захотелось погладить её по голове, и я погладил. Протянул руку, провёл по каменным холодным волосам, окаймлявшим её голову пышной копной. И на мгновение мне почудилось, что глаза маленькой каменной женщины сверкнули двумя тёплыми жёлтыми искорками, будто солнце отразилось в них. Впрочем, может быть, так оно и было? Не знаю.

– Правда, – ещё раз сказал Юрий Данилович, наблюдая за моими действиями. – Молодец, Вика.

Она сидела напротив нас и улыбалась. Он вдруг спросил

меня:

– Ваня, а ты знаешь, кто это? – он кивнул в сторону статуэтки.

Я помотал головой. Откуда мне было знать? Я только по причёске этой женщины мог понять, что она египтянка, ну, наверное, царица какая-нибудь. Кто там у них из цариц был? Нефертити? Клеопатра? И я наугад скорее спросил, чем ответил:

– Нефертити?

Юрий Данилович улыбнулся и похлопал меня по плечу.

– Молодец, – сказал он, – соображаешь! Это действительно Нефертити. А теперь взгляни-ка вот сюда.

Он торжественно развернул второй свёрток, аккуратно расправил ткань на столе, и перед нами оказался древний свиток, весь исписанный замысловатыми картинками. В то время я совсем не разбирался в иероглифике, но замысловатые картинки сковывали взгляд даже непосвящённого.

– Ты знаешь, что такое розеттский камень? – спросил Юрий Данилович.

На этот раз я был вынужден грустно покачать головой.

– Не помню.

– Розеттский камень был найден французским капитаном Бушаром в 1799 году близ города Розетты в дельте Нила. Камень уникален тем, что на нём нанесён текст на трёх языках – двух древнеегипетских и древнегреческом. По сути, с него началась расшифровка иероглифических текстов. Сей-

час эта базальтовая плита хранится в Британском музее.

Он усмехнулся и продолжил:

– А вот на этом свитке, который ты видишь перед собой, копия текста того самого камня из Розетты.

Я удивлённо посмотрел на него и протянул руку к свитку.

– Тихо-тихо, – резко остановил он меня, – руками его трогать нельзя, может исчезнуть.

– То есть как это? – спросил я, совершенно озадаченный.

– Вот так, он очень старый и может растаять, как прогоревший лист бумаги, стоит только прикоснуться к нему.

С этими словами он вытащил ещё один свёрток и извлёк оттуда целую кучу древних свитков, часть из них была обгоревшей по краям, в некоторых просто зияли дыры, то ли прогрызенные когда-то жучками, то ли истлевшие от времени.

Юрий Данилович жестом подозвал Викторию Альбертовну и попросил прикоснуться к свитку.

– Смотри внимательно, – сказал он мне.

Она аккуратно дотронулась до одного из свитков указательным пальцем. И вдруг по папирусу пробежала мелкая дрожь, как по поверхности гладкой воды, кругами расходясь от места прикосновения. Ткань в месте прикосновения поблекла, сделалась прозрачной, и исчезла, образовав на его боку очередную дырку диаметром в пару сантиметров.

– Ух ты, вот это да! – у меня аж глаза загорелись от любопытства, – А можно мне?

Юрий Данилович кивнул, а Виктория Альбертовна улыбнулась, подбадривая меня.

Я протянул руку к таинственному свитку и прикоснулся к нему... Но ничего не произошло. Я отдернул руку и смущённо посмотрел на археолога, потом на директрису.казалось, они были удивлены не меньше моего.

– Возьми его, – попросил Юрий Данилович.

Я осторожно подцепил свиток двумя пальцами. От волнения пальцы мои дрожали, и я выронил ценный артефакт. Тот покатился по столу и упал на пол, разваливаясь на части. Я поспешил собрать их с полу, но не успел даже дотронуться, как кусочки папируса сами собой истлели, не оставив и следа. Я в ужасе наблюдал за происходящим, боясь поднять голову и посмотреть на своих визави.

– Это нормально, – проронил археолог, – не пугайся, Ваня, возьми лучше другой свиток.

Чувствуя, как на лбу выступает холодный пот, я решительно протянул руку и сжал в ладони второй артефакт. Папирус смялся, но и только.

Юрий Данилович и Виктория Альбертовна переглянулись.

– Покажи, – попросил он.

Я раскрыл ладонь. Помятый и изломанный в трёх местах свиток с раскрошившимися краями лежал у меня на ладони, как ни в чём не бывало.

– Вот это да, – сказал учёный и почесал макушку, – инте-

ресно.

– Но он даже не посвящённый, – воскликнула директриса, картинно всплеснув руками. На лице её отразилось неподдельное возмущение.

– Кто он? – тупо спросил я.

Вместо ответа Юрий Данилович попросил:

– Ваня, брось-ка мелкий кусочек на стол, вот этот, который с краю.

Я послушно отделил мелкий отвалившийся кусок пергамента на своей ладони и уронил его на стол. Как только древняя материя коснулась современного стола, она вздрогнула, чуть-чуть изогнулась и истлела, словно сгорела в невидимом пламени. Эффект мне так понравился, что я без спросу проделал то же самое ещё с одним кусочком артефакта.

– Ладно, достаточно, – строго сказал археолог, – положи остатки обратно.

Я ссыпал кусочки свитка, окончательно развалившегося в моей руке на части, обратно в тряпичный свёрток. Здесь с ними почему-то не происходило никакого разрушения, наоборот, мне показалось, что с прикосновением к бинтоподобной ткани, должно быть, такой же древней, как и сам свиток, папирус стал прочнее, а помятости на нём изгладились.

– Иван, – серьёзно сказал Юрий Данилович, и у меня внутри всё похолодело, – у тебя есть кое-какие способности к... ммм..., – тут он замялся, должно быть, взвешивая, какую часть правды стоит раскрывать сразу, – одним словом,

есть способности к усвоению древних знаний. И я бы хотел тебя пригласить в школу Пирамиды.

– А что это? – спросил я нехотя. Свою школу мне покидать совершенно не хотелось.

Однажды мне предлагали сменить мою школу на школу бокса, но ни я, ни мои родители этого не хотели, и с карьерой великого боксёра я расстался навсегда, впрочем, без сожаления.

– Не волнуйся, – сказал Юрий Данилович, отвечая скорее моим мыслям, чем на вопрос, – это всего лишь небольшой факультатив. Раз в месяц ты можешь приходить на занятие после школьных уроков. Тебе будут давать маленькие порции совершенно иных, новых знаний, никак не связанных со школьной программой. Ты занимался в каком-нибудь кружке в детстве?

Я, конечно, занимался. Пару дней ходил во Дворец пионеров на занятия резки по дереву. Затем пару недель ходил туда же, но в радиокружок. Мне он, пожалуй, нравился, но потом всё как-то не срослось. ещё два-три дня я ходил в авиакружок, но утомительное елозанье шкуркой по деталям будущего крыла самолёта надоело мне очень быстро, поэтому и авиаконструктор из меня не вышел тоже. Я бы, наверное, соврал и умолчал о своих неудачных попытках обрести хобби на всю жизнь, но хитрый Юрий Данилович нарочно косвенно назвал меня взрослым, тем самым возвысив меня в моих собственных глазах, и я на радостях сознался.

– Да, – сказал я, – занимался, но мне не понравилось.

– Понимаю, – кивнул он, чем опять меня сильно озадачил, – но здесь другое. Думаю, тебе понравится. И потом, тебя же никто не заставляет. Приходи, послушай, посмотри. А потом решай сам: интересно тебе древнее знание или нет. И ещё...

Он покопался в карманах и вытащил маленький необычный крестик. Необычным он был по двум причинам: во-первых, вместо верхней палочки креста на нём было вытянутое ушко для продевания верёвки, а во-вторых, он был не металлический, а из камня, из такого же точно чёрного мрамора, из какого была сделана фигурка Нефертити, стоявшая перед нами на столе между чашек с остывшим чаем. Не представляю, как можно сделать такую штуку медным резцом.

– Возьми, – Юрий Данилович протянул мне крестик, – это тебе.

– Спасибо, – тихо сказал я и положил крестик на ладонь.

Камешек вовсе не был холодным, как я ожидал, напротив, он словно источал какое-то едва уловимое тепло. Я сжал его в кулаке, подержал с минуту, словно приручая, и затем опустил в кармашек на груди. А Юрий Данилович тем временем сворачивал и убирал таинственные свёртки с артефактами. Первыми исчезли в бумажном пакете магические папирусы, за ними последовала статуэтка божественной Нефертити.

– Кстати, – вдруг спросил он, – не заметил ли ты что-либо необычное, когда поднимался сюда по лестнице?

Я, признаться, уже и забыл о тех страхах, что одолевали меня по дороге в дом Виктории Альбертовны, но вопрос археолога снова вызвал неприятный холодок в позвоночнике. Я пожал плечами, стараясь скрыть свой испуг, и ответил:

– Да так, ничего особенного.

– А всё-таки? – уточнила директриса.

– Ну, – я помялся, краснея, затем выпалил на одном дыхании, – мне показалось, что в подъезде кто-то был, и я даже поднялся этажом выше, чтобы проверить, но никого не обнаружил.

– По-нят-но, – тихо проговорил Юрий Данилович по слогам и многозначительно переглянулся со своей ученицей.

– Ладно, – произнёс он уже громко, вставая с дивана, – ты, Вань, не переживай, это всё погода. Плохая нынче погода. Бури магнитные, дожди химические.

Он потрепал меня по голове, и мне вдруг захотелось ему поверить. И впрямь, погода не сахар, вот и мерещится всякая чушь! Я просиял улыбкой и посмотрел на Викторию Альбертовну. Она сидела у столика и задумчиво допивала чай. Потом взглянула на меня и в ответ улыбнулась.

– Ваня, – сказала она, – заходи в среду во второй кабинет после уроков. Там будет первое занятие школы Пирамиды.

– А я там один буду? – задал я напрашивающийся вопрос.

– Нет, что ты! Мы целую группу соберём, человек двадцать учеников.

– А из нашего класса ещё кто-нибудь будет?

– Нет, даже из школы никого, кроме тебя. От нашей школы ты будешь один. Поэтому я на тебя рассчитываю. Понимаешь?

Я кивнул и вздохнул.

– Понимаю.

Мне жутко понравилось, что со мной разговаривали почти как со взрослым, тем более такие люди, как директор школы и учёный-археолог. И это окончательно привело меня в хорошее расположение духа.

Юрий Данилович посмотрел на часы и доверительно показал их мне. Большой круглый циферблат чёрного цвета с золотыми циферками, непонятной надписью латинскими буквами и золотыми же стрелками показывал ровно два часа пополудни. Я понял: пора идти.

– Успеваешь? – спросил он.

– Да, – сказал я, – как раз пора собираться.

– Что ж, Иван, – голос его звучал почти торжественно, – я был очень рад с тобой познакомиться, и, надеюсь, мы ещё свидимся.

А уж как я надеялся – слов не было. Наверняка у него таких интересных штук ещё много, вон какой пакетище! Эх, повезло Сеньке, подумал я. А вслух сказал:

– Я тоже надеюсь, Юрий Данилович. Спасибо Вам за... крестик.

Мы уже были в прихожей, и я натягивал ботинки.

– А разве египтяне были христианами? – не удержался я

от вопроса.

Казалось, я немного смутил археолога. Он призадумался на секунду, потом изрёк с видом мудреца из старой сказки:

– Нет, не были. Христос жил позже, а тот каменный крестик, который я тебе дал, вовсе не христианский. Это одно из тех уникальных совпадений, которые случаются в мире не так уж редко, как нам кажется. Старушка Вселенная любит повторяться.

Он усмехнулся и протянул мне руку. Я, счастливый, пожал сухую ладонь и скупно попрощался.

– До встречи, – ответили мне в один голос Юрий Данилович и Виктория Альбертовна. Кажется, они были мною довольны, и мне это нравилось.

Когда дверь за мной закрылась, я остановился на лестничной клетке, соображая, как мне дальше жить и ещё раз внимательно изучая мраморный подарок. В этот момент мне показалось, что я услышал вопросительный голос директрисы, произнёсший «мы нашли его?», и в ответ еле слышное, а может, и почудившееся «да» Юрия Даниловича.

Об этой замечательной встрече я вспоминал потом чуть не каждый день, сжимая в ладони египетский крестик. Но никому – ни родителям, ни друзьям, ни даже Арсению, – я никаких таинственных подробностей так и не раскрыл. А жить между тем становилось всё интереснее.

Глава 3. Основы

Занятия в школе Пирамиды казались мне странными с самого начала. Во-первых, они не походили на школьные нудные уроки, где нужно мучительно вгрызаться в строгий текст учебников, постигая новые темы по литературе и истории, разучивая слова на «английском» и бесконечные правила с исключениями на «русском». Лишь математика с физикой меня, пожалуй, радовали, хотя порой и пугали разнообразными контрольными. Не люблю я контроль любого рода, даже из благих побуждений. А занятия, как мы говорили тогда, «по Пирамиде» были построены иначе. Если быть совсем уж точным, они вовсе не были построены. Каждый раз тема для обсуждения выбиралась произвольно, учитель нам что-то рассказывал, а мы ему задавали любые вопросы и получали ответы. И никаких тебе домашних заданий, контрольных или экзаменов. Нас даже не заставляли вспоминать то, что ранее пройдено.

Во-вторых, содержание самих занятий казалось мне тогда весьма странным, да что там скрывать, я и сейчас не вполне осознаю, каким таким загадочным способом эти занятия сделали из меня то, что я есть сейчас. Но то, что они существенно повлияли на мою жизнь, это факт.

А проходили занятия примерно так. Детишки из разных школ раз в месяц собирались в назначенный час в опреде-

лённом месте и беседовали с одним из Посвящённых. О чём хотели и сколько хотели. Правда, учитель всякий раз выводил на свою, заранее заготовленную тему, но делал это столь искусно, что нам казалось, будто мы сами задаём ход беседы. Начнём, к примеру, расспрашивать его об ЭВМ, о которых тогда почти никто ничего не знал, а он выдаст нам пару предложений о том, что такое микросхема, и тут же, хитро подмигнув, спросит: а вы знаете, как умели считать древние Майя? И тут уже каждый тянет руку и хочет похвастаться перед всеми той крупницей информации о древних Майя, которую где-то случайно подобрал. Учитель внимательно слушал, кивал, давал слово каждому, а потом, словно подводя печальный итог нашему невежеству, вдруг всё разом опровергал, вытаскивая из какого-то таинственного свёртка маленькие точёные фигурки животных, найденные близ пирамид Латинской Америки, а также странные изделия, напоминающие детали некоего механизма. Причём точность и техническая красота изделий способны были поразить даже инженеров двадцатого столетия. Какие уж тут индейцы с копьём да в лохмотьях!

А бывало и по-другому. Спросит кто-нибудь: почему это у нас Вавилон, а по-английски Бабилон? И тут уж нам не избежать лекции о языках, их общем древнем начале и кратком экскурсе в древний русский язык, санскрит и латынь. И к нашему общему удивлению обнаружится вдруг, что языки эти очень похожи, и что народы мира, на первый взгляд та-

кие разные и непохожие друг на друга, вдруг предстают нам потомками одной некогда великой расы ариев, населявших в допотопные времена, когда климат был более тёплый, наш Урал и даже Таймыр. И вдруг учитель покажет нам старинную карту Руси, где Волга названа Ра, что на древнем языке означает Солнце, и что Урал значит «стоящий у Солнца». И окажется, что многие слова в иностранных языках Европы можно объяснить по-русски, чуть-чуть меняя гласные и пользуясь переходящими друг в друга согласными, как, например, wall=стена, вал; берлога=логово bear'a, lentus=медленный, лентяй.

Однако же, надо отдать должное учителям Пирамиды, они всегда нас предупреждали о том, что афишировать подобными знаниями на школьных уроках не стоит. Мягко говоря, не все учителя любят, чтобы ученики знали больше положенного. А особенно близко к сердцу это принимают историки. Только тут я понял, как легко отделался от Зои Фёдоровны со своим опрометчивым выступлением на уроке истории, о котором рассказывал выше.

В общем, что тут говорить: занятия наши были неординарные, часто непонятные, но интересные. Потому и ходили мы на них, не пропуская. Хотели даже предложить учителям встречаться почаще, но нам объяснили, что количество в данном случае не важно, а важно качество. И оно было! Ибо каждая встреча заставляла потом наши девственные извилины долго шевелиться в непривычном направлении, оце-

нивать вещи иначе, чем всё вокруг. И это было... увлекательно.

Занятия проходили в разных школах, иногда в ВУЗе. Должно быть, их география зависела от места работы наших учителей. Порой мы задерживались допоздна, поскольку никакого лимита времени у нас не было: мы занимались до тех пор, пока кто-нибудь из нас не уставал. Но в конце 80-х в дряхлеющей советской державе ещё можно было безбоязненно гулять вечерами по улице. Звериный лик капитализма по Чубайсу тогда можно было обнаружить разве что в «Хищных вещах века» братьев Стругацких. И мы упивались знаниями так, как сейчас нефтегазовая элита упивается деньгами – даром и с наслаждением.

О том, что конкретно нам давали эти непринуждённые занятия, многие из учеников Пирамиды не знают до сих пор. Более того, сами учителя, принадлежащие обычно к ступени *репиторов*, далеко не всегда знали, что они на самом деле дают ученикам. И всё же некое творческое начало, по-видимому, незаметно прививалось в наших детских, не огрубевших ещё, не испорченных действительностью умах.

Например, как-то само собой вдруг случилось, что я начал писать стихи. Сидя в своей комнатке у откинутой крышки секретера и глядя из окна первого этажа унылой брежневской пятиэтажки на мокрую зелёную листву деревьев на улице, проседающую под напором капель дождя, я вдруг подумал: почему другие могут сочинять, а я – нет? И напи-

сал несколько четверостиший ямбом о том, как прекрасна первая весенняя гроза. Стишок был детский и банальный, и впоследствии он куда-то подевался. Сейчас мне уже не восстановить ни в памяти моей собственной, ни на винчестере компьютера, ни уж тем более в бумагах, эти первые потуги на поэтической ниве. Помню только, что псевдоним себе придумал «Неизвестный» (про соответствующего Эрнста я тогда не знал, впрочем, в Союзе он в то время был не слишком-то популярен), и псевдоним этот красовался на обложке зелёной двухкопеечной тетрадки в клетку. Тетрадку я рискнул дать почитать отцу, и он, в общем-то не кривя душой, скупно похвалил моё творение, чем, слава богу, не отбил у меня охоту сочинять и далее.

В роду у нас никто сочинительством не занимался, поэтому некоторые могут отнести прорезавшееся во мне стремление к литературному творчеству на счёт школы Пирамиды. Возможно, так оно и есть на самом деле, но я всё-таки склонен считать, что Пирамида тут ни при чём, ибо она не поскупилась бы на выдачу таланта, поскольку проценты с такого кредита она получает, как правило, немалые. Не деньгами, конечно. Деньги, золото, сверкающие камешки, столь почитаемые простыми людьми, или, иначе говоря, *примитами*, посвящённые не любят.

А что же они любят, спросите Вы. Во-первых, они любят знания. Как давно позабытые древние премудрости ариев, вавилонян, египтян, майя, так и вполне современные по-

знания в области, скажем, нанотехнологий или финслеровой геометрии. Но знания сами по себе, без приложения к чему-либо прямо или опосредованно, бесполезны и потому неинтересны посвящённым. Поэтому, во-вторых, они любят развитие. Прогресс в любой форме. Сам процесс понимания любого развития во Вселенной увлекает их так, как Елена Прекрасная увлекла некогда юного Париса.

Итак, главное достояние Пирамиды – люди, способные видеть и оценивать развитие, понимать чужие знания и создавать свои, управлять процессами и управлять материей. И если школа сумела прорастить в нас зерно великих знаний, доступных лишь посвящённым, пусть даже одарив нас для этого некими талантами, значит, мы станем неотъемлемой и полезной частью великой человеческой иерархии под названием Пирамида. Мы – ученики школы Пирамиды – и есть те неоценимые проценты, которые получает она, вкладывая в нас некоторые, скажем так, не совсем обычные свойства, значение которых порой можно оценить, лишь пройдя длинный и тернистый жизненный путь.

Глава 4. Две чаровницы

«И кто сказал, что все красивые бабы – непременно дуры? Ерунда! Это придумали некрасивые. Просто чтобы отомстить. За ушедших мужей, за недостаток внимания, за упущенные должности, за отсутствие любовников долгими зимними вечерами. Да мало ли за что ещё... Было бы на кого свалить, а уж что – всегда найдётся! Правда, у красавиц к умным редко бывает счёт на предъявление. Разве что ближе к старости, когда от бывшей красоты ничего не остаётся. Но зачем же так плоско рассуждать: либо красивая дура, либо умная уродина. А характер? Разве это не важно? О, ещё как важно! Спросите-ка у тех мужиков, которых угораздило жениться на молоденьких красотках, превратившихся к тридцати годам в стервозных баб, как им живётся? Тут ни ум ни красота не спасают, скорее наоборот – если умная и красивая, тут уж держись, бедный наш муж, достанется тебе на орехи. А если, спросите Вы, умная и характер покладистый? Тогда что же – страшнее смерти? Или есть ещё какой-то скрытый четвёртый параметр? Кроме ума, красоты и характера.

Есть! И это Дар. Тот особый Дар природы, который выделяет очень немногих женщин среди трехпараметрической основной массы. Про обладательниц Дара говорят «колдунья» или «ведьма», в зависимости от того, красивая она, или,

мягко говоря, не очень. Дар этот – умение очаровать любого человека, и прежде всего мужчину, словами, жестами или одним лишь вздохом. Очаровать так, что он, бедный, будет считать её одновременно и красивой, и умной, и доброй. До тех пор, пока его не очарует другая «ведьма». Таких женщин в старину называли Дарами, от слова «Дар», которое, в свою очередь, означает «данное Ра», то есть «данное богом».

Конечно, встретить Дару нелегко, ведь они, как правило, умные. Поэтому для большинства представительниц прекрасного пола действует основной закон: красота плюс ум плюс характер равно константа. Если характер максимально хороший, добрый, покладистый, то на ум и красоту почти ничего не остаётся, увы. Если же ум зашкаливает, то красота и характер – где-то возле нуля, т. е. и телом не вышла, и характер прескверный. Ну а ежели перед вами красавица неземная, пером неопишуемая, терпите её строптивый характер, щедро украшенный глупостями.

И только у Дар уравнение это имеет более сложный вид: красота плюс ум плюс характер равно константа плюс Дар. Константа – одна на всех общая, на то она и константа, то есть постоянная. Но если у женщины есть великий Дар, тут уж держитесь. У неё и ум выше среднего, и красоты вполне хватает, и характер может быть какой угодно! Одно слово – колдунья, чаровница».

Преподавательница – стройная черноволосая женщина с тёмно-синими умными глазами – стояла с мелом в руке пе-

ред группой школы Пирамиды, целиком состоявшей из девушек переходного возраста.

– Надеюсь, вы это запомните, – сказала она приятным грудным голосом, и лёгкая улыбка озарила её лицо, сделав его ещё прекраснее. Сидевшие перед нею девушки невольно залюбовались своей наставницей.

В тот момент Рита поняла, что перед ними – Дара. Все предыдущие учителя, и особенно учительницы, не вызывали у неё такого трепета и белой зависти, как сегодняшняя чаровница. Рита прямо-таки чувствовала мощное чарующее излучение прекрасной наставницы и только удивлялась, как её подружки, сидящие позади, продолжают перешёптываться, обсуждая стройные загорелые ноги Дары, цвет её лака для ногтей и пёструю блузку с глубоким вырезом. В те времена такой раскованный наряд встретить было практически невозможно.

Но при чём тут наряд и при чём тут её тело, когда сама она изнутри словно наполнена солнцем? И Рита была способна это чувствовать. Впрочем, сама Рита тоже отличалась от остальных девушек. В 89-м она училась на первом курсе педагогического института, была очаровательной и скромной, мечтала стать учительницей, как её мама, любила точные науки и сторонилась юношей, которые, чувствуя её неприступность, быстро остывали к ней, хотя поначалу слетались, как пчёлы на цветок.

Наверное, поэтому она порой чувствовала себя в компа-

нии подруг белой вороной. И даже здесь, в школе Пирамиды, она отличалась от остальных девушек, несмотря на то, что все они обладали весьма тщательно сбалансированным набором трёх главных параметров – ум, характер, красота.

– Дарья, а у парней тоже такое уравнение есть? – спросила веснушчатая Оксана, улыбаясь.

Наставница с первых же минут представилась им Дарьей и просила называть только по имени. Теперь, после лекции, Рита поняла, что Дарья – это и есть Дара.

– Нет, – ответила наставница, – у них всё устроено несколько иначе, но об этом мы поговорим как-нибудь в другой раз.

Девушки заулыбались, а у Оксаны на щеках проступил лёгкий румянец.

– Дара, простите за такой вопрос, но... Вы замужем? – спросила Рита, глядя наставнице прямо в глаза.

Немногие юные ученицы Школы Пирамиды осмеливались смотреть в глаза даже простым школьным учителям. Что уж говорить о Даре! А Рита могла, и ей нравилось ловить в тёмных умных глазах непонятную энергию удивительной силы и чистоты, которая, возможно, и была Даром.

– Нет, – легко ответила наставница. – У посвящённых, особенно у высших, жизнь так многообразна и стремительна, что задерживаться вместе годами им не удаётся.

– А Вы – высшая? – снова спросила Рита.

– Нет, – ответила Дарья. – Хотя... всё относительно, –

она улыбнулась. – Для вас я высшая. Но те, кто учил меня в своё время, были и остаются намного выше меня в Пирамиде. Некоторые из вас, я думаю, с ними встретятся.

Дара обвела всех взглядом и добавила:

– Что ж, девочки, время позднее. Если у вас нет ко мне вопросов, предлагаю закончить на сегодня.

– Есть! – хором сказали девушки, и Оксана тут же продолжила. – Расскажите нам о высших, кто они? Маги?

– Расскажите, расскажите, – подхватили остальные, а кто-то даже спросил: они из ЦК партии?

И всем стало весело. Молчала одна Рита, с любопытством наблюдая за наставницей.

Дара прошла перед ученицами, демонстрируя ещё раз свою великолепную фигуру, и остановилась у окна. Глядя в сумеречную даль серых кварталов, она тихо и медленно, взвешивая каждое слово, произнесла:

– Давным-давно, много тысяч лет назад, до Великого столкновения наша планета выглядела совсем иначе. Европу покрывал толстый многовековой ледник, северный полюс был где-то в районе Гренландии, а на Урале и в Сибири был тёплый и влажный климат. В долинах, между покатыми холмами бродили мамонты, в реках и озёрах нынешнего Пермского Края водилось много вкусной рыбы. Гигантские деревья на склонах гор скрывали обилие ягод и грибов. И в этот райский уголок однажды пришли с востока люди. Они называли себя ариями и поклонялись могущественному

источнику всей жизни на Земле – Солнцу, которое называли Ра. Впрочем, это сейчас у нас при упоминании имени Ра возникает стойкая ассоциация со словом «солнце». На самом деле Ра – слово многосмысловое, как и все слова древнего единого языка, и означает оно Свет, Огонь, Время, то есть движущую силу Вселенной. И те, кто пришёл на нашу землю в столь далёкие времена, отлично понимали смысл этого многослойного образа...

Глава 5. У истока

Пурва был из рода Вестников. Он пришёл на просторы древней русской равнины первым, и потому носил это имя – Пурва. Что означает «первый». Длительный бросок через бесплодные пустыни мироздания оставил грубые шрамы на лице Пурвы. Он испытал любовь, потери, горечь и лишения, но вышел к новой земле победителем, и был за это вознаграждён по достоинству. Богатая плодородная предгорная равнина лежала перед ним, когда он смотрел с высоты уральских гор на землю обетованную. И он решил: вот он, мой новый дом. Дом, где всего будет в достатке и все люди, идущие за ним, будут жить в мире и любви. Останутся позади мучительные испытания и скорбь по друзьям, павшим на долгом пути. Останется позади ненависть к врагам и жажда отмщения.

Он посмотрел в небо. Ночь спускалась над Уралом, и в чистом высокогорном воздухе уже были видны некоторые звёзды и планеты. Пурва пристально вглядывался в глубокую черноту космоса, словно что-то искал в бездонной глубине. Его взгляд остановился на маленькой красной точке, зависшей над горизонтом. Минут пять он смотрел на красную планету, глубоко задумавшись. Едва уловимая тень пробежала по его лицу, словно отпечаток каких-то давних событий.

Но он быстро взял себя в руки и обратился к стоящим у подножия холма людям.

– Братья мои! Бесстрашные воины Великого Ра! Много раз обернулась Земля вокруг Солнца, пока мы терпели тяготы скитаний по её бескрайним просторам. Мы многое пережили и много потеряли. Мы пролили кровь во враждебных нам землях, но мы выстояли! Нет меры тому расстоянию, что отделяет нас от прежнего Дома, разрушенного великими, но не нами выпущенными на свободу силами. Нет числа всем жертвам того безумного разрушения. И нет другой такой в мире скорби, какая наполняет наши сердца!

Наши кровные братья из рода Хранителей в своё время позаботились о том, чтобы воспоминания о нашем прежнем Доме были тщательно сохранены в каменных хранилищах, созданных на трёх континентах этой планеты. Ценой своей жизни они выполнили долг перед нашей общей Родиной и обеспечили нам светлое будущее на многие поколения вперёд. Даже Другим, тем, кто пришёл на эту планету до нас, и кто был здесь всегда, ни за что не добраться до сокровенных тайн нашей расы.

Хранителей больше нет... И нет никакой связи между нами и Пирамидами. Но у нас есть то единственное сокровище, которое не под силу было укрыть даже Хранителям. Это – наша жизнь.

Я – Пурва из рода Вестников – привёл всех нас на новую землю и теперь вижу, что не ошибся. Земля эта плодородна,

населена животными, и не пострадала ещё от рук наших воинственных братьев по разуму. И нам теперь надлежит осваивать эту райскую землю всем вместе, соблюдая мир и порядок, заведённые здесь природою с давних пор.

Мы выстояли в жестоких сражениях! И наш долг – не повторить весь тот ужас, через который прошли оставшиеся в живых. Наш долг – жить в мире и согласии на новой земле, надёжно защищённой вот этими горами, беловодным океаном и непроходимыми гущами лесов. Мы построим здесь города из камня. Наши женщины воспитают нам новое поколение, которое не будет помнить человеческой жестокости и неумолимой разрушительной мощи Вселенной.

Мы построим здесь новый мир, бросив зёрна нашего знания и милосердия в плодородную почву, и на многие поколения забудем о войнах и катастрофах. Но мы сохраним нашу культуру, язык, традиции и наши знания в полном объёме, чтобы в тот час, когда потомки наши будут нуждаться в помощи, они не остались один на один с бедой.

Во имя Великого Ра!

Последние слова его грянули громом над покатыстыми холмами уральских гор и разнеслись далеко над лесами Северных Увалов. Так было положено начало истории народов Евразии, которые тысячами лет жили в гармонии с природой, ни с кем не воевали и ни у кого не отбирали землю. Потому что им хватало своей земли, расположенной между

Уралом и Волгой от Печоры и Камы до Белого моря. И никакие другие народы, населявшие в то время северную Африку, Ближний Восток и некоторые области американских континентов, не знали о Пурве и его сородичах. Они всего лишь были свидетелями странных построек в Египте и Америке и некоторое время тесно общались с Хранителями. Но потом Хранители ушли навсегда в свои Пирамиды, оставив аборигенам легенды, знания и надежду встретиться вновь, в далёком будущем.

Лишь многие тысячелетия спустя, когда климат на Земле изменится в результате падения метеорита в Тихом океане, северный полюс примет современное положение, а ледник пройдёт по северной части Евразии, некоторые потомки ариев двинутся на юг и поселятся на территории Ирана (что, кстати, означает «страна ариев») и Индии (т. е. в «далёкой стране»), другие же двинутся к Средиземному морю, а третьи придут в Скандинавию.

Где бы они ни появлялись, они рассказывали о далёком сказочном крае, в котором люди живут в мире, сытости, любви и справедливости, и оттого по свету пошли легенды о великой стране Гиперборее (у Геродота), горах Меру (в индийской Махабхарате) и Хара (в иранской Авесте), находящихся далеко на севере, в Арктике, на родине ариев.

– Но среди прочих легенд, – продолжала Дара свой рассказ, – есть совсем забытые легенды о великих мудрецах Ришах. Риши – это семь мудрецов, покровительствовавших

ариям. В древней Аюрведе потомки тех ариев, которых привёл Пурва на Землю, отождествляли Ришей с семью звёздами Большой Медведицы. Риши были кем-то вроде римских богов Олимпа. Они умели летать, владели огнём и обладали многими знаниями о природе вещей, так что легко управлялись с любой проблемой. Их, безусловно, можно назвать великими магами, высшими носителями знаний далёкой и навсегда исчезнувшей цивилизации. Наверное, Пурва из рода Вестников был не только первым арием на русской земле, он был последним из Ришей или их прямым учеником.

Я говорю «наверное», потому что теперь уже никто не знает точно, как всё было. Мы лишь способны предполагать, что арии были потомками последних, но не единственных пришельцев на Земле. Некоторые старинные тексты, списки с которых дошли до нас в очень скудном виде, указывают на то, что всего на планете Земля встретилось пять различных рас: Чёрная – с Алголя, Жёлтая – с Ригеля, Красная – с Мизара, Белая – с Сириуса, и раса с голубой кожей – коренные земляне, называемые также Атлантами.

Все расы жили в разных уголках Земли и довольно долго не мешали друг другу. У них были свои великие предки и свои легенды. Но время шло, население множилось, вспыхивали войны, возникали и рушились царства, люди искали новые ресурсы, путешествовали и постепенно открывали соседей по планете. Вместе с тем уходила в пучину времён легендарная эпоха великих Атлантов и строителей пирамид

Египта и Теотиуакана. Легенды же других рас, более древних, и вовсе не оставили следов в нашей истории.

Последними великими были представители белой расы, пришедшие со звезды Сириус. Именно они основали нашу Пирамиду, как систему знаний, и научили первых высших своей мудрости. Высшие, ученики Пурвы из рода Вестников, долго жили среди людей, помогали мудрым словом, растили новые поколения Высших, отстраивали и лелеяли Пирамиду. И вот теперь передо мною вы, на кого я тоже, как когда-то великие Риши и как наш духовный отец Пурва из рода Вестников, возлагаю свои надежды...

Дарья закончила рассказ, когда город полностью погрузился во тьму, зажглись редкие фонари на улицах. Редкие – потому что не все работали, как положено. Окна домов напротив высвечивали движущиеся силуэты мирных жителей 20-го века, заключённых в тесные каморки хрущёвских и брежневских шедевров панельного домостроения.

Комментарий В. Лаврова: Рассказ Дарьи очень интересен и вместе с тем неоднозначен. Несколько путаные сведения, якобы из древних текстов, поданы совершенно неожиданным образом. Гиперборея, Атлантида, Меру – всё собрано воедино, хотя источники, в которых они упоминаются, относятся историками к различным временам и народам. Что уж говорить о мексиканских пирамидах Теотиуакана! Вместе с тем, гипотеза нашего происхождения от пришель-

цев была весьма популярна в 20-м веке, и теперь, в свете новых открытий на Марсе, может обрести твёрдую почву для дальнейшего развития.

Глава 6. Она

Шло время. Ученики выросли, умнели, удивлялись, разочаровывались. И снова бросались в бой. Достоин ли терпеть безропотно позор судьбы, иль нужно оказать сопротивление? Вот в чём был вопрос жизни в начале лихих девяностых годов в России. И оказывали, и выживали. И малиновые пиджаки в золотых цепях не заполонили землю Святой Руси. И растление нас затронуло не сильно. Много потеряли и многому научились. Такова уж наша природа русская, сохранившаяся с тех давних пор, когда великие предки пришли и навечно остались на этой земле.

Впервые самостоятельно, а вернее сказать, без сопровождения родственников, я оказался в Москве в 94-м году. К тому времени уже отгремели гусеницы путчистских танков 91-го и высохла кровь защитников Белого дома, пролитая в 93-м. Да и сами идеалы демократии постепенно стали блекнуть, оставив лишь вкусную пенку для интеллигенции в виде партии Яблоко и иже с нею, а также народившийся год назад телеканал НТВ. Только Кавказ всё больше погружался в пучину войн. Войн за ресурсы между Западом и Русью.

Впрочем, все мы хороши задним умом. А я тогда с удовольствием катался в метро вместе с группой ребят, приехавших вместе со мной на Всероссийскую олимпиаду по математике. Заходил с преподавателем в супермаркет на Щёл-

ковской, который мне казался огромным, и жил в запущенном тогда городишке Долгопрудный, откуда вышла известная всем группа Дюна. Эпоха великих реформ ещё только догрызала мясо с тушки советского наследия, и Москва, как во все времена, бурлила потоками людей, идей и этакой столичной самобытностью, сложенной из миллионов российских судеб. Мне это жутко нравилось, и мне очень хотелось жить в этом древнем и современном огромном городе.

Но несколько лет школы Пирамиды не прошли даром, и я видел чуть больше, чем мои сотоварищи по олимпийской команде. И не только видел, но ещё и не боялся задавать вопросы. И вот в один из московских олимпийских дней вся группа отправилась на большую обзорную экскурсию по Москве. Не на такую экскурсию, на которую можно попасть у трёх вокзалов и за пару часов прокатиться по пробкам мимо двух-трёх знаменитых мест, а на длинную полудневную экскурсию, с посещением храмов, архитектурных ансамблей и военных экспонатов на Поклонке.

Автобус остановился возле одного из храмов златоглавой Москвы, и экскурсовод начала рассказ. Старинный храм, благополучно переживший романовскую династию и советские времена, поначалу не интересовал меня. Я сидел у окошка в автобусе и разглядывал пригревшуюся на тёплом залитом солнцем асфальте чёрно-белую кошку. Кошка намывала мордочку, жмурилась, и, судя по всему, была вполне довольна жизнью.

Я перевёл взгляд на Москва-реку, спокойное течение которой наводило умиротворение и заставляло забыть о позорном, доставшемся мне по глупости, 17-м месте на олимпиаде... Затем я поднял взгляд выше и обратил внимание на золотые купола храма, увенчанные восьмиконечными православными крестами. На крестах красовался полумесяц, напоминающий чашу.

«Странно, подумал я, мусульманский полумесяц на православном храме!» Я огляделся вокруг: кого бы спросить. Передо мной в кресле, тоже у окна, сидела наша учительница, сопровождавшая нас во время поездки в Москву. Молодая, красивая, рыжеволосая, в аккуратных очках, она внимательно слушала экскурсовода.

Я тронул её за рукав лёгкой цветастой блузки.

– Да, Ваня? – спросила она, оборачиваясь и улыбаясь мне.

И тут я впервые ощутил, что думаю о ней не как об учительнице, а как о женщине. От волнения я даже забыл её имя.

– Я... это... спросить хотел...

– Что? – весело подмигнула она, и я понял, что начинаю таять под её лучистым взглядом.

Я показал ей крест сомнительного содержания, но она вовсе не удивилась, как я ожидал. Напротив, пожала плечами и сказала:

– Мы можем спросить у экскурсовода, но вряд ли она даст ответ, который тебя устроит.

Так ответила она. И я сразу ей поверил.

– Кто же даст правильный ответ? – спросил я, и робко еле слышно прошептал, – Пирамида?

И вот тут меня изумила перемена, произошедшая в ней. Она заинтересованно стала рассматривать меня, словно изучая. Я даже покраснел, но взгляд выдержал. Целую минуту мы смотрели друг другу глаза в глаза. Потом она, сняв свои аккуратные тонкие очки, коротко ответила «да» и вновь повернулась к экскурсоводу.

Так я понял, что не один в этом мире. Пять лет я посещал занятия школы Пирамиды, более 50 занятий за это время, которые не прошли даром и на которых мне внушили, может быть, одну, но главную мысль: будь свободным в познании! Умей выходить за грани принятых норм мышления, подвергай сомнению то, что кажется недостаточно обоснованным или не до конца изученным. Но при этом уважай тех многих умниц, на плечах которых ты стоишь и видишь столь далеко. Познание, как говорил нам один из репетиторов, – это процесс. Но процесс вовсе не вертикальный, как многие привыкли думать, это процесс разнонаправленный. И новые, совершенно неожиданные и притом полезные знания возникают там, где ты их меньше всего ждёшь. Поэтому – будь свободным!

Учительницу... нет, девушку, звали Рита. И она, конечно, тоже училась в школе Пирамиды, и превосходила меня в уровне подготовки. И мне о многом её хотелось спросить. Но вот беда, всякий раз, когда мы оказывались вдвоём хоть на пять минут, я забывал свои нехитрые вопросы и только

слушал её голос и смотрел в её глаза.

Однажды, набравшись храбрости, я всё-таки спросил её, так сказать, по теме:

– Маргарита, а что такое уровни Пирамиды? Столько раз слышал о них, а вот чёткого представления у меня так и не сложилось.

Это был последний наш день в столице. Мы сидели в столовой общежития, нашего временного пристанища для участников школьной олимпиады, и пили чай из гранёных стаканов.

– Ваня, я же просила тебя говорить мне «ты», забыл?

Её большие красивые глаза лукаво прожгли меня озорным огоньком. Я слегка покраснел.

– Извини..., Рита, – спотыкаясь, пробормотал я, – забыл.

– Ничего страшного, – ответила она, легонько накрыв мою руку своей, показав два красивых золотых колечка на среднем и безымянном пальцах.

– Так вот слушай, – продолжила она. – Если коротко, то в Пирамиде есть некая нечёткая иерархия, принятая сотни лет назад и до сих пор не подвергавшаяся изменениям. Считается, что всех людей можно разделить по уровню их интеллектуальных способностей или степеням свободы мышления. Чем выше уровень, тем сильнее интеллект, и, главное, шире его кругозор, то есть больше степеней свободы. Считается, что всего ступеней иерархии семь. Самый нижний уровень, к которому относится большая часть людей – примиты. Как

правило, они в своих помыслах не заходят дальше бытового уровня – еды, одежды, жилья, денег. От животных их отличает способность любить и ненавидеть. Ну, и ещё, наверное, жадность. Я не говорю, что все они поголовно жадные, нет. Просто нас, людей, всех отличает от животных стремление заполучить побольше того, что мы считаем ценным и той ценной, которая для нас приемлема. Воров, убийц и политиков отличает уже не ступень Пирамиды, а внутренняя моральная система ценностей...

Она задумалась, а я, увлѐкшись внеочередной лекцией, напомнил:

– Рита, а кроме примитивов? Остальные шесть уровней?

– Да, прости, – сказала она, мельком провожая взглядом какого-то молодого парня, вышедшего из столовой. По сравнению с ним я был ребёнком, а он, наверное, мог бы дать пару очков вперѐд Аполлону. И в этот миг я, наверное, впервые испытал ревность в отношении женщины.

А она, убирая очки в футлярчик, продолжила, как ни в чём не бывало:

– Следующая ступень – репиторы... Впрочем, ты ведь, наверное, знаешь, кто такие примитивы и репиторы? Ты сколько лет учишься?

– Пять, – ответил я и добавил, – да, знаю, но так подробно, как ты, нам никто не рассказывал. Учителя, то есть репиторы, всё больше об отвлечѐнных вещах рассказывают...

– Погоди-ка, Ваня, ты считаешь, что репиторы – это учи-

теля? Что-то вроде репетиторов?

Я кивнул. Она улыбнулась.

– Тебе было бы полезно знать латынь и другие языки, особенно древние.

Я опять кивнул, отметив про себя необходимость познакомиться с латынью.

– Впрочем, их учат все посвящённые. Так что... если станешь им, никуда не денешься.

Она весело мне подмигнула, поднимаясь из-за стола.

– Рита, – протянул я с мольбой в голосе, – а дальше?

– Давай-ка я возьму тебя под руку, – ответила она мягко, – и мы прогуляемся немножко...

Она посмотрела на свои миниатюрные часики:

– У нас ещё куча времени до отправления поезда. Успеем.

Наверное, тот день был одним из лучших в моей жизни. Мы гуляли по аллее под клёнами. Пели птицы, я слушал её и любовался ею. Мне было хорошо. Да и ей, наверное, тоже. Ведь не пошла же она за тем подозрительным парнем-аполлоном. Я радовался этому, ибо был ещё совсем мальчишкой. Лишь несколько лет спустя я узнал, что это был её муж. Бывший муж. Что он делал в Москве в тот момент – я никогда и не узнал.

– Как ты теперь понимаешь, – продолжала она говорить, – примиты занимают седьмой уровень Пирамиды, а репиторы – шестой. Так вот, название «репитор» тоже происходит от

слова «повторение», но означает оно лишь то, что репитор способен повторить некое высшее знание, пересказать его своими словами и передать другим. Именно поэтому учителя – в основном репиторы. Хотя бывают и учителя более высоких ступеней. Например, меня одно время учила Дара, она из высших.

– А высшие – это какой уровень? Первый? – поинтересовался я.

– Нет... точно не знаю, но обычно имеется в виду третий и выше.

Я почувствовал, что у меня захватывает дух...

– Кто же они, эти высшие? – спросил я.

– Со временем ты всё узнаешь, Ваня. Я сама ведь тоже только пять лет учусь и знаю ненамного больше твоего, да и то в основном по женской линии.

Она усмехнулась.

– Знаю, что пятый уровень называется аппликаторы, а четвёртый – когитанты. Учителя не любят на эту тему распространяться, но нетрудно догадаться, что аппликаторы – это те, кто не только умеет повторять знания Пирамиды и передавать их другим, но и применять их на практике. Я никогда не видела аппликаторов, но слышала, что они обычно заняты практической работой. Поэтому и в школе их встретить нереально. Хотя... возможно, моя Дара как раз принадлежит к пятой ступени... Не знаю... А вот когитанты – мыслители. От латинского *cogito* – мыслю. По-видимому, это и есть те,

кто получает новые знания.

Я кивнул.

– А кто же такие посвящённые?

– Посвящённые, Ваня, это те, кто сами себя таковыми осознаёт, – она улыбнулась, – посвящённым трудно жить среди примитов, они чувствуют себя неотъемлемой частью Пирамиды, понимаешь?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.